

Людмила ТЕМНОВА-ЗИМИНА

Спрятаться
за цветами

Людмила Анатольевна Темнова-Зими́на

Спрятаться за цветами (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24082696

Спрятаться за цветами (сборник): Сказочная дорога; Москва; 2011

ISBN 978-5-4329-0005-0

Аннотация

В книгу киносценариста и режиссера документального авторского кино Людмилы Темновой-Зиминой вошли киносценарии, стихи, эссе, размышления о кино и жизни. В мире снято множество кинофильмов, разных по жанру и качеству. Каждый из них представляет собой индивидуальный взгляд сценариста и режиссера. В конечном итоге рассказанная история начинает жить на экране самостоятельно в той форме, которую ей придали создатели картины, а сами они остаются за кадром, словно волшебники-эльфы, прячущиеся за цветами.

Содержание

Вместо предисловия	6
Клод Лелюш	8
О жанрах кинематографа	8
О профессии режиссера	9
Об актерах	10
Жерар Кравчик	11
Бытует мнение, что «случай – псевдоним Бога»	11
Делать римейк[1] всегда риск	14
Путешествие на речку черную, или «ответ ищите у пирамид»	15
Аэропорт Шереметьево 2	19
Египет. Хургада. Ресторан отеля	22
Ночь. Пустыня. Караван	28
Каир. Национальный музей	29
Новогодняя ночь	31
Коралловые рифы. 1 января, новый год	33
Закат. пляж	36
Аэропорт	38
Москва	43
Мэрилин Монро в стране Достоевского	45
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Людмила Темнова-Зими́на

Спрятаться за цветами (сборник)

© Темнова-Зими́на Л. А., 2011

© Издательский дом «Сказочная дорога», оформление,
2011

*** * ***

Вместо предисловия

Больше всего в жизни я люблю кино. Это невероятное, очень интересное зрелище поразило меня еще в детстве, когда я впервые увидела на большом экране сказку «Волшебная лампа Аладдина».

Надо уточнить, что я не именно сказку увидела впервые, а вообще впервые в жизни попала в кинотеатр на фильм. Сначала я думала, что, когда погаснет свет, на экране появится звездное небо, как в планетарии, но когда свет погас, я очутилась во власти переполняющих меня чувств.

Не могу описать свой восторг. Это было открытие, радость! Я увидела красивую историю про любовь и поняла, что существует другой мир, куда можно погрузиться и отвлечься от переживаний, пусть даже этот мир представляет собой иллюзию. Мне было не полных шесть лет. С того самого дня я обрела мечту и никогда не расставалась с желанием заниматься кино, но судьба водила меня хитрыми тропинками вокруг да около таинственного кинематографа.

Наконец, нашлась заветная дверь... И я прикоснулась к своей мечте. Окончив ВГИК, я стала сценаристом. Напутствие, полученное в институте, – «вы должны понимать, что вы в ответе за каждое слово, которое пишете», – вспоминаю каждый раз, когда обдумываю новый замысел. Я благодарна всем, кто повстречался мне на пути в кинематограф, кто

принимал участие в моих проектах и кто верил, что я смогу это сделать.

В мире снято множество кинофильмов, разных по жанру и качеству. Каждый из них представляет собой индивидуальный взгляд сценариста и режиссера. Это разнообразие киноповествований напоминает безграничную долину, где вперемежку растут цветы и травы декоративных и диких сортов, как розы и васильки, полынь и мать-и-мачеха. В конечном итоге рассказанная история начинает жить на экране самостоятельно в той форме, которую ей придали создатели картины, а сами они остаются за кадром, словно волшебники-эльфы, прячущиеся за цветами.

Мне хотелось бы представить читателю некоторые мысли французских кинорежиссеров, разных по своим творческим пристрастиям, Клода Лелюша и Жерара Кравчика. Почему именно их, спросите вы? Потому что, во-первых, это кинематографисты из Франции, моей любимой после России страны; во-вторых, мне посчастливилось говорить с этими режиссерами о кино, слушать их рассуждения, задавать им вопросы. Эти ответы во многом отразили и мои мысли тоже.

Клод Лелюш
ВГИК, мастер-класс. 21
марта 2008 года, Москва

О жанрах кинематографа

В кино существует много жанров, но любой хороший фильм представляет собой смешение жанров. Смешение жанров – это смешение жизни.

О профессии режиссера

Это профессия, которая потребует мужества, так как в процессе становления можно подвергнуться унижению. Но главное – устоять, не обращать внимания на непонимание и непременно стараться снимать каждый день, чтобы оставаться в форме.

Такая работа тренирует, и не нужно бояться любительских съемок.

Ежедневно просматривайте отснятый материал, чтобы понять, что именно вам необходимо оставить, а что убрать из фильма, чтобы он не получился скучным. Из любительского подхода к съемкам кино важно сохранить авторский подход к созданию картины.

Обязательно смотрите чужие фильмы. Вы не должны снимать, как они. Надо уловить зерно и понять, от лица кого вы хотите рассказывать эту историю. Учиться создавать кино нужно сразу в двух школах: в киношколе и путем самообразования.

Об актерях

Актер должен уметь адаптироваться. Настоящий актер делает минимум. Здесь должна присутствовать школа смирения, минимализма, экономии средств. В отличие от кино, театральный актер играет на целый зал, а киноактер – для одной камеры, поэтому он должен знать технику кино.

При приближении камеры играть нужно менее эмоционально, при отдалении – более экспрессивно. В кино нет общих правил, есть частные случаи. Гибкость – единственное правило, применимое в кинематографе.

В кадре всегда есть звезда, и чаще это актер, но может быть и музыка и свет, природа, объект или вещь, и режиссер должен определить, что главное в кадре.

Что касается ролей, я никогда не даю читать актеру сценарий полностью. Приведу пример. Когда на перроне актриса увидела партнера, а я ей сказал, что она будет играть одна, то ее удивление было таковым, что оно поразило весь мир.

Жерар Кравчик
Посольство Франции в
Москве 27 ноября 2007 года

Бытует мнение, что
«случай – псевдоним Бога»

«Один из наших великих французов сказал наоборот, что случайностей не бывает. Я для себя решил, что, может быть, случайностей и нет, но есть такие понятия, как «шанс», «везение». Для того, чтобы что-то удалось в жизни, нужно иметь для себя три главных составляющих, и если нет какой-то одной из них, то уже появятся трудности. Первое – это работа, второе – талант и третье – это удача. И были случаи, когда во время работы стараешься делать как можно больше, но не всегда знаешь, в каком направлении следует идти.

Возникает вопрос: «Правильно ли ты стараешься?» Талант, кажется, есть, и неважно, что кто-то думает о тебе иначе. Шанс может представиться, как это случилось в моей жизни. С тем человеком, который снимал «Такси 1», произошел несчастный случай, и он не мог приступить к

съемкам в тот момент, когда все уже было арендовано, все запланировано, все освобождены.

И Люк Бессон попросил меня начать съемки. Если бы я тогда не начал снимать, не было бы и «Такси». На следующий год Бессон начинал снимать Жанну Д'Арк, значит, этот фильм вообще бы не случился, значит, не было бы того успеха, не было бы следующего фильма. Значит, все могло бы и не произойти. То есть произошёл случай, который для меня стал счастливым. И я оказался, таким образом, за рычагами управления большой комедии в стиле экшн. До этого я делал только камерные фильмы – комедии, но совершенно в другой интонации. И таким образом, для кого этот шанс оказался счастливым? Для меня, снявшего «Такси»? Для Бессона, у которого не прогорел проект и который тоже получил фильм, принесший ему деньги, славу, возможности?

Для Жерара Переса это точно был какой-то упущенный шанс. Он упал с лошади. Но что заставило эту лошадь споткнуться? Была ли это рука Бога, которая придержала той лошади копыта? Или это было просто какое-то случайное событие?

Для меня удача – это вереница возможностей, которые проносятся перед нами в жизни. Что-то из них мы успеем схватить, что-то не успеем. Потому что какие-то вещи мы учимся делать, какие-то вещи мы уже умели делать раньше, и все эти знания мы используем для себя, словно вы-

тягиваем козыри из колоды карт».

Делать римейк¹ всегда риск

«Каждый раз, когда делаешь римейк, не знаешь, на что идешь. Мне кажется, что сравнивать между собой два фильма вообще невозможно. Каждый раз ты делаешь это другими средствами, в другую эпоху, с другой манерой чувства.

Фильмы – они очень индивидуальные создания, это практически как люди.

Как можно сравнить одного человека с другим? Каждый выбирает то, что ему нравится. Кому-то нравятся блондинки, кому-то больше брюнетки, чем блондинки, но это зависит от каждого отдельного человека.

Мы можем говорить, что одна футбольная команда лучше другой, потому что она забила больше голов. О фильме так невозможно сказать. Это все равно что сравнивать красный и желтый цвета, но сказать, что красный гораздо лучше желтого, невозможно. И, начиная заниматься этим ответственным, очень сложным индивидуальным делом, мы все берем на себя риск, и мы не знаем, что из этого выйдет».

¹ Римейк (ремейк) (от англ. remake – переделывать) – исправленный, переделанный или восстановленный вариант художественного произведения (литературного, музыкального; фильма, спектакля).

Путешествие на речку черную, или «ответ ищите у пирамид»

2003 Новый год я встречала в Египте. Не могу объяснить, почему именно в эту страну мне пришла идея отправиться на этот праздник. Вероятно, подсказал внутренний голос. Поскольку у меня всегда есть вопросы (впрочем, как и у многих из нас), но не всегда находятся на них ответы, интуиция поманила меня в эту далекую страну.

«Ответ ищите у пирамид»

Пауло Коэльо. «Алхимик»

Перед тем как выкупить путевку в Египет, я навестила свою старую приятельницу и рассказала ей о своем желании.

– Я была в Египте, и мне очень понравилось. Обязательно купи себе такой сувенир, – сказала она и достала с книжной полки и протянула мне талисман в виде жука скарабея. – Это оттуда. Если ты держишь его впервые, то можешь загадать желание, и оно непременно сбудется.

Я взяла небольшого деревянного жука и стала его рассматривать.

Немного грубая резная работа придавала этому изделию старинный вид, как будто это находка времен правления египетских фараонов.

– Загадывай желание, – настаивала она.

– Даже не знаю, что загадать, – ответила я, поглаживая по спинке жука.

– Не торопись, подумай хорошенько. Неужели тебе ничего

не хочется?

Я задумалась.

– Хочется. Но этого повторить невозможно. Нельзя вернуться в прошлое и изменить то, что безвозвратно кануло во времени, – грустно ответила я.

– Кто это тебе сказал? В жизни все бывает. Загадывай смелее.

Не буду уточнять, какая мысль пришла мне в голову в тот момент. Скажу только, что уносила она меня в далекие восьмидесятые годы.

Я еще раз погладила жука и аккуратно положила его на место. Уходя, я сказала своей приятельнице:

– У меня такое чувство, что я уже в Египте. Интересно, что это будет за путешествие?

Аэропорт Шереметьево 2

В аэропорту, как обычно, первым делом я посетила магазин «Дьюти Фри»², где купила себе новые духи (я всегда так делаю: покупаю новый запах и потом, по возвращении, он еще долго напоминает мне то место, откуда я только что вернулась), бутылку кофейного ликера, маленького бордового плюшевого мишку (это тоже моя привычка: в каждой поездке у меня появляется новый игрушечный друг) и кожаные перчатки, которые мне были явно не нужны в Египте, но просто очень понравились. Пока я стояла в кассу, мое внимание привлекли книги. Они в беспорядке лежали на полке, и мне захотелось выбрать что-нибудь интересное для чтения в дороге. Но сначала я решила «поговорить» с ними.

Знаете, так делают: задают мысленно вопрос, открывают книгу наобум и, не глядя в текст, указывают пальцем то или иное предложение. Вот тебе и ответ.

Я взяла с полки первую попавшуюся книгу, закрыла глаза и спросила про себя автора книги: «Возможно ли вернуться назад и сделать все иначе? Возможно ли исправить ошибки?»

² ООО «Дьюти Фри Партнерс» – российско-немецкая компания, созданная совместно с холдингом Gebr. Heinemann (Германия). Компания является оператором беспошлинной торговли в международном аэропорту Шереметьево (терминал 2).

Затем я открыла глаза. И вот что я прочитала: «Они так не договаривались». Я тут же положила книгу назад и задумалась. «Они не договаривались? Кто «они»? Неужели мы делаем все по предварительной договоренности? Даже ошибки. И именно они приводят нас к правильному решению, а не наоборот. Интуиция хранит в себе информацию. А если происходит сбой в действии? Такое возможно?» – путались мысли в голове.

Я медленно потянулась к другой книге. Я решила задать новый вопрос, но сначала узнать название книги и, уже исходя из этого, спросить. Я взяла с краю большую книгу в голубом переплете, на обложке которой был изображен профиль Пушкина и крупными буквами написано название «Путешествие на Черную речку». Я подняла вверх глаза и увидела яркую лампочку, которая светила мне, как первый утренний луч.

– На Черную речку? – произнесла я вслух. В это мгновение я стояла уже перед кассой.

– Вы берете эту книгу? – громко спросила милая девушка-кассирша.

Я еще раз перечитала название и одобрительно кивнула. Я почувствовала, что ответ на мой еще не сформулированный, но существующий в моем подсознании вопрос найду именно здесь.

– Да. Сколько она стоит?

– Три доллара, – ответила кассирша.

Я вышла из магазина. Неужели за три доллара можно получить ответ на волнующий тебя вопрос? Но тут же вспомнила свою приятельницу, которая любила повторять, что в жизни бывает все.

Египет. Хургада. Ресторан отеля

В просторном зале ресторана сутились отдыхающие. Стоял легкий шум от разноязычной речи и звука столовых приборов. Красивые темнокожие официанты неторопливо проходили мимо с посудой в руках.

Я сидела одна за столиком и допивала чай, как вдруг увидела, что из глубины зала ко мне бежит маленькая арабская девочка с двумя косичками. Девочка бежала ко мне целенаправленно, как будто знала меня давно. Я не задумываясь отставила чашку в сторону и, поймав девочку, посадила ее к себе на колени.

Девочка прижалась ко мне и закрыла глазки. Я гладила ее по волосам, нежно держа на руках, не понимая, что происходит. Этот чужой ласковый ребенок казался мне в эту минуту очень родным. Мы сидели так не больше минуты, обнявшись как близкие люди, спокойные и счастливые. Через несколько секунд появилась молодая арабская женщина, одетая по-европейски. Она пробежала взглядом по залу, заметила нас и, улыбаясь, направилась к моему столику. Девочка открыла глаза в тот момент, когда женщина подошла к нам, и потянулась к ней. Женщина извинилась. Я ответила улыбкой. Признаюсь, мне не хотелось отдавать девочку.

«Что это значит?» – подумала я.

А через полчаса я проходила мимо той самой девочки, ко-

торуую держала у себя на коленях некоторое время назад, но ребенок не обратил на меня никакого внимания. Я смотрела, как она бежит по холлу отеля, падает, поднимается, смеется, и меня все сильнее притягивала мысль о родственности душ, которые узнают друг друга на мгновение, тянутся навстречу, а потом что-то вдруг происходит и они отдаляются.

Что-то происходит, но что?

Я присела на мягкий диванчик возле небольшой вертящейся витрины, где ярко блестели ювелирные украшения и изделия из хрусталя: маленькие кошечки – талисманы-хранительницы дома, жуки скарабеи, пирамиды и необыкновенной красоты лотосы в золотой окантовке.

– Правда, красивые цветы? – услышала я чей-то тихий голос. Я обернулась. Рядом со мной на диване сидела миловидная белокурая женщина неопределенного возраста, очень бледная и худая, одетая в открытое светлое летнее платье, поверх которого была наброшена ярко-красная шаль.

– Правда, – ответила я и опять посмотрела на сверкающий лотос.

За витриной сидел молодой продавец, черноволосый и смуглый. Он что-то перебирал в ящике, не отвлекаясь на посетителей.

– Очень милый парень, – сказала опять женщина, – его зовут Вадим.

– Вадим? Разве это арабское имя? – переспросила я.

– Скорее всего, его зовут по-другому. Он просто так пред-

ставился. – И после небольшой паузы добавила: – Здесь живут египтяне. Это необычные люди, вы сумеете в этом убедиться.

– Вы часто отдыхаете в Египте? – опять спросила я.

– Нет, – ответила женщина, – я здесь впервые, но за неделю я смогла это понять. Меня зовут Любовь. Можно просто Люба. А вас?

Так мы познакомились.

На следующий день после завтрака я записалась на экскурсию к пирамидам и спустилась к бассейну.

У входа на шезлонге лежала Люба в брюках и свитере, укрытая махровым полотенцем. Перед ней лежал толстый блокнот. Вернее, это были обыкновенные листы формата А4, сшитые сверху суровой ниткой. Она придерживала их рукой и смотрела сквозь темные очки в небо. Сильный, но теплый ветер качал тоненькие пальмы и хрупкие апельсиновые деревья.

Я подошла к бассейну, сбросила с себя одежду и погрузилась в теплую, прозрачную, бирюзовую воду.

Люба заметила меня и восхищенно захлопала в ладоши.

После купания я расположилась возле нее под открытым солнцем, а она, наоборот, пряталась от солнечных лучей как можно тщательнее.

– Вы не любите загорать? – поинтересовалась я у нее. Люба оказалась очень открытым человеком и сказала мне, что она тяжело больна и солнце ей вредно в любое время года. Я

поняла, что болезнь ее неизлечимая, связанная с сердцем.

После нашей беседы я узнала, что мы почти коллеги. Она тоже пишет. Правда, занимается этим она недавно и цель ее только в том и состоит, чтобы написать всего одну повесть. И в этом толстом блокноте было не что иное, как ее сочинение. Какая-то реальная история, которую она никак не может закончить.

– Почему только эту историю вы хотите написать? – спросила я.

– Это история, которая мне очень дорога. Я не смогу рассказать ее вслух. А разве вы пишете все время не одну и ту же историю?

И Люба предложила мне ее прочитать. Она протянула мне блокнот и сказала, что, наверное, нет смысла переписывать то, что было и никогда не повторится. Я не согласилась с ней. Если есть потребность вспоминать, значит, в этом есть смысл.

– Я так устала от своей болезни! Но знаете, почему я не умираю? – неожиданно спросила меня Люба.

Я даже не знала, как реагировать на этот вопрос. Я смотрела на Любу широко открытыми глазами, боясь услышать что-то такое, что не смогу быстро понять. Но ответ был прост.

– Я хочу встретить того человека, который помог мне однажды, и поблагодарить его. Вот если бы я смогла попросить об этом кого-нибудь... Вот, например, вас, вы согласились бы?

Я недоуменно пожала плечами.

– Сделайте это лучше сами, – сказала я тихо.

– Совсем неважно, кто это сделает. Я или кто-то другой за меня.

– Вы хотите сказать, что, если бы вы знали, что кто-то вместо вас найдет того человека и скажет ему спасибо, вы бы согласились умереть? – спросила я Любу с недоумением.

– Согласилась бы.

– Но ведь вас это держит на земле. Вы живете ради этого, – убеждала я Любу.

– Я раньше жила ради этого, а теперь я ради этого умираю. Всему свое время.

– Вы хотите сказать, что ваша болезнь есть результат пустых поисков? – не успокаивалась я.

– Вот именно. Я жила прошлым, – спокойно произнесла Люба.

– Так зачем тогда сейчас говорить спасибо за то прошлое?

– Я хочу поблагодарить не за прошлое, а за свое будущее.

Пока я этого не сделала, я не приближусь к нему.

– А разве недостаточно быть благодарным кому-то в своей душе? Может быть, этому человеку ваша благодарность и не нужна вовсе.

– Благодарность нужна всегда. Без этого нет движения вперед. Человек должен знать, что он делает добро. Другое дело, что он не должен об этом говорить и вспоминать.

– А что, люди не знают, что они делают добро?

– Трудно понять, что есть добро, а что зло. Одно и то же действие может быть проявлением как добра, так и зла.

Мне показались эти рассуждения очень странными, но я ничего не ответила. Мы еще долго беседовали с Любой на разные темы, несколько раз спускались в бар, пили кофе, и я удивлялась, как она, несмотря на свою болезнь, злоупотребляет курением. Я ничего у нее больше не спрашивала.

Мы расстались после ужина.

В ночь я уехала на экскурсию к пирамидам.

Ночь. Пустыня. Караван

Звезды провожали нас. Было очень тепло, и с трудом верилось, что завтра последний день старого года. Звезды были очень низкие и крупные. Они нависали над землей до самого горизонта.

Казалось, что наш «караван» из сорока автобусов проезжает по звездному коридору. Я не нашла ни одного знакомого созвездия.

Пока я любовалась небом, меня укачало, я уснула, и мне приснился сон. Я увидела высокую девушку с длинными волосами в длинном платье из светящихся звезд. В руках, на уровне солнечного сплетения, она держала большой белый цветок лотоса.

Каир. Национальный музей

Первая экскурсия была в Национальный музей. Перед входом в здание в небольшом искусственном бассейне плавали цветы белых и фиолетовых лотосов. Я остановилась и долго рассматривала эти чудесные цветы. Я вспомнила свой сон. В музее мы ходили по залам, рассматривали скульптуры фараонов, древние украшения, маски, саркофаги, и вдруг на нижней части одного саркофага я увидела девушку с поднятыми вверх руками. На ней было платье точно такое же, как на девушке из моего сна, все в звездах.

– Кто это? – радостно воскликнула я, обращаясь к гиду.

– Это богиня неба Нут. Богиня рая, – уверенно ответил гид, перемещаясь к другому саркофагу.

– А что символизирует цветок лотоса? – не отставала я от гида. Его сильный акцент заставлял меня напрягаться, но я слышала то, что хотела.

– Лотос – это символ любви и дружбы.

«Значит, мне приснилась богиня неба Нут», – подумала я.

Я знала точно, что небо означает творчество, но не смогла разгадать свой сон.

Потом мы посетили пирамиды. Мы ехали так долго, чтобы увидеть одно из чудес света, но провели возле них всего пятнадцать минут. У пирамид мне подумалось, что величие этих каменных изваяний точно такое же, как и любого

другого творения рук человеческих, будь то гигантский монумент или миниатюрное ювелирное изделие тонкой работы величиной с песчинку.

Блокнот Любы я взяла с собой, прочитала его только по возвращении, но не до конца. Меня поразило название этого повествования. На титульном листе обычной шариковой ручкой крупными буквами было написано «Речка Черная».

Я читала повесть, написанную Любой, всю ночь, а утром узнала, что Люба умерла. Во сне у нее остановилось сердце.

Я помню, как сустились гиды и горничные, как приехал реанимобиль и увез Любу. Я плакала, глядя вслед удаляющейся белой машине, в окнах которой ярко отражалось утреннее солнце.

В руках у меня был блокнот. Я прижимала его к своей груди, как ту маленькую девочку, и никак не могла поверить в то, что больше никогда не увижу Любу и что она уже не встретит того человека, о котором писала свою повесть.

В тот же вечер суровая нитка, соединяющие листы рукописи в блокнот, развязалась, листы рассыпались. Я купила для рукописи специальную папку.

Это был последний день старого года, 31 декабря.

Новогодняя ночь

Я не заметила, как приблизился Новый год.

В ресторане отеля были накрыты праздничные столы, украшенные гирляндами по периметру. У каждого был пригласительный билет с указанным номером столика. У меня – № 10. Со мной за столиком оказалась молодая семья с пятилетней девочкой, одетой в костюм балерины.

В полночь мы подняли бокалы и произнесли символический тост. Я даже не помню точно, кто что сказал. Мне было совсем невесело, но я делала вид, что у меня все хорошо.

Рядом со мной стоял пустой стул, а на столе – чистая тарелка. Официант хотел убрать свободный прибор, но я не разрешила. Он подумал, что кто-то сейчас подойдет, и извинился.

Я положила на тарелку немного еды и налила в бокал шампанского, подняла его и посмотрела на играющие пузырьки. Мне вспомнилась Люба. Мои соседи не обращали на меня внимания. Они веселились, подбрасывая вверх шарики, раскидывали в разные стороны серпантин и смеялись. Они только сегодня вечером прилетели в Египет.

Через час я уже направлялась по просторному холлу к лифту, чтобы подняться в свой номер мимо ювелирного магазинчика, витрина которого была по-прежнему украшена хрустальными лотосами в золотой окантовке. За стеклом

стоял тот самый продавец Вадим.

Увидев меня, он улыбнулся и пригласил зайти. Я согласилась... Я все еще продолжала мысленно общаться с Любой. Ведь это она мне рассказала о Вадиме.

Я провела в магазинчике около часа, перемеряла все украшения, начиная от сережек и заканчивая дорогими колье, которые мне предлагал Вадим. Он прекрасно понимал, что я ничего не куплю, но продолжал доставать из ящика все новые и новые предметы.

Оказалось, что он неплохо говорит по-французски, и мы начали с ним болтать. Мы говорили обо всем понемногу, потом вспомнили Любу. Вадим заметил, как по моей щеке скатилась слеза, и вытер ее своей рукой. Он спросил меня, видела ли я когда-нибудь живые кораллы. Я ответила, что нет, и Вадим посоветовал мне утром отправиться на коралловые рифы. Он утверждал, что то, что я увижу под водой, поможет мне отвлечься от грустных мыслей.

Я так и сделала.

Коралловые рифы.

1 января, новый год

Это был последний день моего пребывания в Египте, и, несмотря на то, что после новогодней ночи очень хотелось спать, я все же отправилась в небольшое морское путешествие.

Я никогда не видела, как растут кораллы, и не плавала с маской. Первое впечатление от увиденного поразило мое воображение. Мне казалось, что я не плыву, а лечу. Так красиво было вокруг, что я и в самом деле смогла отключиться от действительности на какое-то время. Я видела чудесных рыбок, красивых, разноцветных, и в полосочку, и в горошек, и в крапинку. Меня манила неприступная синяя глубина, но страх перед неизвестностью заставил меня остановиться. Я замерла на мгновение и стала вглядываться в волнистое дно. Мимо меня проплыла стая перламутровых плоских рыбок. Потом ко мне приблизилась большая фиолетовая рыба и, размахивая плавниками вверх и вниз, стала разглядывать меня со всех сторон. Наверное, я была тоже похожа на рыбу – в синих ярких лапах, белом купальнике и желтой маске.

Мне так понравилась эта встреча, что я от восторга даже попыталась что-то произнести. Рыба не услышала меня, она медленно отплыла в сторону и скрылась за коралловым

рифом, в котором царило необыкновенное оживление. Туда-сюда сновали мелкие рыбешки, водоросли качались из стороны в сторону, словно под музыку, освещенные яркими солнечными лучами.

Я находилась совсем в другом, сказочном мире, и мне не хотелось выходить на берег. Мне было так хорошо, как нигде и никогда. И что меня особенно удивило, что это было в состоянии полного одиночества. Я созерцала красоту, входила с ней в контакт, а следствием этого явилось гармоничное состояние моей души.

Вдруг я заметила вдалеке, за днищем яхты, огромную длинную рыбу и, испугавшись, вынырнула. Я быстро подплыла к яхте и поднялась на борт. Мне было страшно, и в эту минуту я поняла, что страх разрушает гармонию.

Неожиданно я обнаружила, что у меня нет одной бриллиантовой серьги.

Я с детства научилась быстро прощаться с вещами, поэтому сожалела о пропаже всего несколько секунд, сняла единственную серьгу, убрала ее в косметичку и решила перед отъездом зайти к Вадиму – купить какие-нибудь простые сережки. У меня оставалось совсем немного денег.

Когда мы вернулись в отель, было уже пять часов вечера. До отъезда оставалось всего несколько часов. Солнце начинало медленно клониться к закату, а я хотела успеть сфотографировать закат и заторопилась в свой номер за фотоаппаратом. Вбежав в холл, я увидела Вадима, который стоял с

охранником спиной ко входу. Он обернулся и радостно бросился мне навстречу.

– Мадемуазель, вы вчера забыли у меня это! – крикнул он по-французски.

В руке он держал мою бриллиантовую сережку.

Я удивленно взяла ее и поцеловала Вадима. Я не знала, как отблагодарить его. Деньги он не захотел взять, и тогда я решила купить у него что-нибудь. Через несколько секунд я стояла в его в лавке и выбирала вещицу на память.

У меня совсем не было времени, и я решила купить две хрустальные кошки: одну в подарок, другую себе.

– Зачем вам две кошки? – спросил Вадим. – Купите вот это для исполнения желания.

Вадим положил на стеклянный столик хрустального скарабея. Лапки и голова у жука были золотые.

– Сколько он стоит? – робко спросила я, и когда узнала цену, то поняла, что мне не хватит денег, а торговаться не хотелось. Я погладила жука по спинке, подержала его, посмотрела через него на свет и отложила в сторону.

– Очень красивый! – похвалила я скарабея и развела руками.

Вадим упаковал моих кошек, поблагодарил за покупку и проводил меня до лифта.

Закат. Пляж

Сильный ветер – последнее яркое впечатление от Египта. Я немного постояла на пирсе, вглядываясь в горизонт. На пляже не было никого, кроме меня и двух рабочих-бедуинов. Они ровняли песок, таская за собой длинную палку с прикрепленной к концам веревкой.

Я смотрела сначала на фиолетовое море, которое сделалось таким от закатных лучей солнца, потом туда, где садилось солнце, и не видела ничего необычного. Чудо было на противоположной стороне неба. Мягкие тона от бледно-салатового до фиолетового и синего как бы нависали над морем пышной, прозрачной, воздушной массой. Я не могла это ни с чем сравнить, и тогда меня посетила такая мысль: если какое-либо явление или объект созерцания невозможно ни с чем сравнить, значит, оно уникально. Вероятно, только здесь и нигде больше на планете нет такого заката.

Сделав несколько снимков, я медленным шагом направилась к отелю. Один из бедуинов попросился сфотографироваться со мной. Я согласилась. Его напарник быстро запечатлел нас на память. Рабочий-бедуин долго благодарил меня.

«Почему он так благодарит меня? Ведь он не увидит эту фотографию!» – подумала я и тут же вспомнила Любу.

Я спросила у бедуинов, сколько пляжей им приходится ровнять. Они ответили, что почти весь берег, то есть пляжи

нескольких отелей. Рядом с нашим пятизвездочным отелем находился трехзвездочный, и я поинтересовалась у них, чего там, в трехзвездочном, нет такого, что есть у нас? И бедуин, с которым я фотографировалась, ответил:

– Солнце, море и песок там такие же.

Аэропорт

Итак, я улетала обратно в Москву, и, как это часто случается на чартерных рейсах, наш вылет задерживался. Я прошла по шумному залу ожидания, взглянула на стенные часы и поняла, что у меня есть в запасе целых два часа.

В конце зала я нашла два свободных кресла напротив огромной застекленной стены, откуда можно было смотреть на взлетную полосу. На одном из кресел одиноко лежала забытая красная роза, аккуратно перевязанная ленточкой. Я присела рядом и достала рукопись Любы. Я долго смотрела на медленно разворачивающиеся самолеты и не заметила, как заснула, но очень скоро проснулась от легкого прикосновения к своей руке.

Передо мной стоял высокий симпатичный мужчина лет шестидесяти, похожий на американского актера Кларка Гейбла. Это он прикоснулся к моей руке забытой розой.

– Это ваш цветок? Позвольте, я присяду рядом? – вежливо спросил меня «Кларк» на английском языке.

Я кивнула в знак согласия и взяла розу. Мужчина улыбнулся, сел на свободное кресло, и мы стали вместе смотреть, как взлетает тяжелый «Боинг». Не знаю точно, сколько времени мы сидели так и молчали, но помню свое ощущение – мы как будто говорили с ним, спорили, я даже немного занервничала, и с моих колен упала папка с рукописью и раз-

летелась. Мужчина стал помогать собирать листочки, и, когда мы снова оказались на своих местах перед застекленной стеной, как перед экраном, он заговорил со мной:

– Это рукопись? Надо же... А я думал, что это уже в прошлом и все перешли на компьютерную печать. Это писали вы?

– Нет, не я. Это писала моя подруга, – ответила я на плохом английском. Услышав ответ, мужчина внимательно посмотрел на меня.

– Вы русская? – уже по-русски, но с акцентом спросил он.

– Русская.

– Кларк, – представился мужчина и попросил у меня одну из страничек рукописи Любы. – Не бойтесь, я не буду все читать. Хочу посмотреть на почерк. Это моя работа. По почерку можно многое узнать о человеке... Если вы не против, конечно.

Я передала листок. Он опять так же внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Это писала женщина?

– Да, – уверенно ответила я.

– Странно, такое впечатление, что писал человек мужской профессии, то есть я хочу сказать, что очень сильной воли человек.

Кларк взял еще несколько листочков, пробежал их глазами и задумчиво, глядя на очередной взлетающий самолет, произнес:

– Эта женщина тоже умела летать. А знаете, что убивает летчиков? – спросил он с надрывом в голосе и, не дождавшись моего ответа, продолжил: – Да-да, именно это. Летчиков убивает соприкосновение с землей. Только не подумайте, что это мои слова. Это сказал Ричард Бах в повести «Чужой на земле».

Я смотрела на Кларка с большим удивлением, он словно все знал про Любу, и знал, что ее нет на земле...

Женский голос диспетчера объявил посадку на мой рейс, и я засуетилась.

Уходя, я спросила у Кларка, правда ли его так зовут. Он рассмеялся и ответил, что, конечно же, нет. На прощание он меня спросил, о чем эта рукопись. Я ответила, что там написана история любви.

Кларк лукаво повел глазами и, указывая на взлетную полосу, процитировал, как он уточнил, рассуждения летчика о самолетах из той же повести Ричарда Баха:

– «Любовь рождена не красотой, а уважением к его летным качествам». Это вам, как читателю, на всякий случай нужно знать, что любовь многогранна, и ваша подруга об этом знала, – закончил он фразу, глядя на рукопись, которую я прижимала к себе.

Я наклонилась, чтобы поднять с пола сумку. Когда я встала, то увидела, что рядом на соседнем кресле крепко спит мужчина, похожий на Кларка Гейбла.

Я тронула его рукой. Он очнулся и растерянно посмотрел

на меня.

– До свидания, спасибо за беседу, – поблагодарила я.

Мужчина недоуменно разводил руками, явно не понимая русскую речь. Было впечатление, что он говорит со мной впервые.

– Sorry! – извинилась я и поспешила на посадку.

Около самолета толпились пассажиры. Поднимаясь по трапу, я оглянулась и посмотрела на здание аэропорта. В полутьме оно напомнило мне какой-то летающий объект и казалось совсем небольшим среди огромного пространства, окруженного волнистой горной грядой, за которой начинал брезжить рассвет. Неожиданно налетел сильный, но теплый ветер и запахло морем.

Я сделала глубокий вдох и закрыла глаза. Ветер был точно такой же, как и вчера на закате. Между тем мимо меня проходили люди с вещами и недовольно бубнили что-то вроде того, что я задерживаю движение. Я молча принялась искать посадочный талон, как вдруг почувствовала толчок в спину легким предметом. Папка с рукописью, которую я все это время держала в руке, выскочила и упала.

Ветер подхватил белые листы и завертел их с такой скоростью, что я не успела даже понять, куда они полетели. Стюардесса поймала сразу несколько листов, молодой человек, нечаянно толкнувший меня, бросил свои вещи и побежал вниз по трапу собирать рукопись.

Я вложила в папку все, что осталось, и быстро последовала за ним. Около трапа стояли рабочие-механики с белыми листами в руках. Их было трое. Я благодарила их, прижимая к груди ценную для меня рукопись, и повторяла про себя: «Милые, добрые египтяне, спасибо», а они, словно читая мои мысли, по-детски улыбались широкими улыбками и желали мне счастливого пути.

В самолете я обнаружила, что рукопись почти вся цела, не хватало лишь нескольких последних страниц финала, который я не успела прочитать. И тогда я подумала о том, что если история не имеет конца, то, скорее всего, у нее есть продолжение.

Москва

Столица встретила меня туманной морозной дымкой. Город казался спящим и неприветливым, и только яркие новогодние елки на московских улицах радовали глаз.

Дома я еще раз проверила рукопись и стала разбирать чемодан. Достала плюшевого бордового мишку, кожаные перчатки из «Дьюти Фри», коробочку с хрустальными кошечками, купленными у Вадима.

Распаковав эту покупку, я с удивлением обнаружила на дне коробочки вместо двух хрустальных кошечек всего одну и того самого жука-скарабея с золотыми лапками. Именно этот сувенир я не могла купить.

– Вадим, – прошептала я и ощутила радость в груди.

Я присела на край дивана и посмотрела в окно на заснеженный пейзаж через хрустальную спинку скарабея. Черно-белые краски зимней улицы сразу же сменились разноцветным калейдоскопом, словно лучи египетского солнца светили откуда-то изнутри талисмана. Вадим сделал мне подарок для исполнения желания и оставил о себе память таким своеобразным образом, подтвердив слова Любы, что египтяне необычные люди.

Я положила скарабея на письменный стол рядом с рукописью Любы «Речка Черная» и с книгой «Путешествие на Черную речку», которую я купила в день отъезда в Египет за

три доллара, чтобы найти в ней ответ на свой вопрос.

Через несколько дней я завершала чтение этой книги, где речь шла о произведениях Александра Сергеевича Пушкина и много о чем еще, как было написано в аннотации. На предпоследней странице книги я прочитала, что «придуманные истории рано или поздно сбываются».

Москва, 2003 г.

**Мэрилин Монро в
стране Достоевского**
*Сценарий фильма-версии,
основанного на реальных событиях*

Человек есть тайна. Ее надо разгадать...
Из письма Ф. М. Достоевского
брату М. М. Достоевскому

Я никогда не думала, что буду рассказывать о Мэрилин Монро. Все, что известно о ней, выглядит полуправдой, и именно это подтолкнуло меня изучить ее жизненный путь, понять ее стремление быть актрисой. Казалось бы, Мэрилин Монро была одной из самых любимых и желанных женщин, она жила в одной из крупнейших держав мира, а по сути, она жила в том же мире, в котором жили герои ее любимого писателя Достоевского, в мире униженных и оскорбленных.

Мне очень хотелось сделать фильм об этой актрисе, женщине с трагической судьбой. Я благодарна всем, кто принял участие в создании этой картины.

На Земле жили миллионы, миллиарды людей, и многие из них ушли незамеченными. И не потому, что они были недостойны внимания своих потомков, а потому, что так устроен мир: новая волна смывает и уносит в вечность все, что попадает ей, и только единицам удается оставить на поверхности свои истории. Но и эти истории часто покрыты тайнами.

В пятидесятых годах прошлого столетия в Америке появилось новое имя. Это было явление, воплощение женственности и великолепия.

Эта женщина стала символом Соединенных Штатов Америки – девушка-мечта, звезда, которую нельзя было затмить ни при ее жизни, ни после ее смерти.

Норма Бейкер, будущая звезда Мэрилин Монро, родилась

1 июня 1926 года в Калифорнии. Ее детство не было счастливым.

Мать малышки, Глейдис Бейкер, часто болела и лечилась в клиниках, и с трех лет Норме пришлось жить в приютах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.